

Игорь Вайсман
Книговорот

Игорь Вайсман

Книговорот. Записки книжника

«Книжкин Дом»

2016

УДК 82.312.9
ББК 84.4

Вайсман И.

Книговорот. Записки книжника / И. Вайсман — «Книжкин Дом»,
2016

ISBN 978-5-9907808-3-5

Мир глазами книголюбца, мир через книжный прилавок. Как менялось значение книг в нашей жизни за последние несколько десятилетий. Байки о книгах, книголюбцах и не только.

УДК 82.312.9
ББК 84.4

ISBN 978-5-9907808-3-5

© Вайсман И., 2016
© Книжкин Дом, 2016

Содержание

1. Моё дело	5
2. Книжные страсти-мордасти	9
3. Культовое место	12
4. Из книжного рая – в Лету	13
5. Переквалифицировавшиеся в «управдомов»	15
6. Улица способствует выживанию	16
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Игорь Вайсман

Книговорот. Записки книжника

Александрю Иликаеву, аристократу & эстету

1. Моё дело

- Вы не видели Виктора?
- Которого?
- Да книжника.
- Нет. Его сегодня не было.
- Мужчина! Вам книжник нужен? Он обещал прийти к часу.

Книжник – так меня называют люди всех полов и возрастов, промышляющие, как и я, розничной торговлей возле подземного перехода на остановке «Спортивная».

Вообще-то нас правильнее называть букинистами, так как мы продаём товар, бывший в употреблении. Но народ, как известно, не всегда придерживается правил, а предпочитает слова, какие ему удобны, тем самым обогащая русский язык. А, чтобы не заморачиваться, люди распространили слово «книжник» и на наших клиентов.

Почему я продаю старые книги, а не носки, перчатки, мочалки и прочие вещи, как другие? – спросите вы. Потому что ни в чем другом не разбираюсь. А в книгах чувствую себя как рыба в воде. И ездить за ними куда-то на оптовую базу нет никакой нужды. Мне их доставляют прямо на место и с большой радостью. Желающим избавиться от домашней библиотеки в наше время просто нет отбоя. Двадцать лет после распада «самой читающей страны в мире» население несет и несет букинистам свои книги. Мне иногда в день поступает до десяти предложений. Поэтому торговцы подержанной литературой могут диктовать свои условия. Владельцам ненужных «сокровищ» деваться некуда, альтернатива чаще всего одна – сдать все накопленные за годы советской власти собрания в макулатуру. Можно, конечно, попытаться продать запыленные тома через Интернет, но большинству моих клиентов лень этим заниматься. Им даже не хочется уносить отбракованный товар, и они чаще всего оставляют его мне просто так.

– Эх, а раньше-то книги в какой цене были! – сокрушается народ. – За подписными изданиями в очереди ночами стояли! Подшивки газет и журналов тоннами сдавали, чтобы приобрести один-единственный малоизвестный роман Дюма! А теперь... что за времена – ничего не читают! Верить, нет, на днях видел, как один мужик несколько мешков с книгами на помойку выбросил.

– Да уж, – соглашаюсь я. Знал бы кто, как мне надоело выслушивать это по несколько раз на дню!

Не отстают от прохожих и мои старые знакомые, с которыми судьба сталкивала меня пять, десять, двадцать лет назад.

– Ба! Ты всё книжки продаёшь? – дивятся они, случайно оказавшись поблизости. – Ну, брат, даёшь! Неужели люди ещё читают?

Заканчивается разговор чаще всего тоже стандартно:

– Послушай, у меня дома (в кладовке, в саду, на даче, в гараже) завалились какие-то книжки. Ты, может, заберёшь их и продашь?

Моим старым знакомым кажется, что мне нечем торговать (хотя такого никогда не бывает), что они меня осчастливят своим предложением и что у меня прорва свободного времени, поэтому я в любой момент поскачу на их дачу за книгами.

А что до времён, то они и в самом деле были другими. Если сейчас мое занятие вызывает вопросы, то при советской власти оно приносило ощутимый доход. И даже повышало авторитет.

У отца, литератора, была довольно приличная домашняя библиотека. Поэтому книги с самого детства стали моими друзьями. Среди сверстников я считался начитанным мальчиком и, самое главное, мог дать почитать книжку, которую не то что в магазине нельзя было купить, но даже не во всякой библиотеке найти. Тогда не было ни Интернета, ни DVD, ни видео, ни компьютеров. Неудивительно, что обладатель домашней библиотеки представлял ценность в глазах окружающих, даже будучи полным убожеством.

Некоторые психологи утверждают, что индивидуальность личности закладывается в раннем детстве. Что до меня, то мою индивидуальность сформировали именно книги, ещё до школы. Литературные герои захватили меня целиком, с головой затащив в свой вымышленный мир. Сначала Буратино, Незнайка, Карлик-нос, Винни-Пух и Карлсон, позднее Том Сойер и Геккельберри Финн, Айвенго и Робин Гуд, Билли Боне и Джон Сильвер, Гулливер, Робинзон Крузо и все четыре мушкетёра напрочь завладели моим воображением. В сравнении с их яркой, насыщенной событиями жизнью, существование всего моего окружения выглядело даже не бледной тенью, а гораздо хуже.

Когда я повзрослел, моё отношение мало изменилось. Я скорее был вынужден мириться с унылой реальностью, чем предпочесть её литературной. И если некоторые мои сверстники выражали недовольство местом, где приходилось жить: «Что такое Уфа? – говорили они. – Провинция. Дыра. То ли дело Петербург, уж не говоря о городах Западной Европы!», то меня больше всего угнетала эпоха и люди. «Ну что за времена, – думал я, – какие-то безликие домикоробки, унылые асфальтированные улицы, однообразные квартиры с одинаковыми обитателями! А как было раньше! Роскошные замки, величественные готические соборы, мостовые из булыжника, подъёмные мосты на цепях, гарцующие на нарядных лошадях кавалеры в шляпах с перьями и прогуливающиеся дамы в шикарных нарядах... Куда всё это исчезло?! И главное – ради чего?..»

А каков народец! Разве ж это люди? Людишки! Дом – работа – рыбалка – домино – кухня – туалет – диван – телевизор – постель. Всё!

Особенно возмущали женщины, которых кроме барахла мало что в жизни интересовало. Никогда не забуду эпизод из турпоездки по Прибалтике. Автобус с нашей группой поехал на экскурсию в Саласпилс, где создан мемориал памяти уничтоженной нацистами деревни. На обратном пути водитель вдруг предложил: «Хотите, заедем в один городок, о котором туристы не знают? Там можно приобрести дефицитные вещи!». «Хотим!!!» – заорали тётки, да так, что у автобуса чуть стёкла не повывлетали. Они набили полные сумки шмотья и с ошалелыми глазами, счастливые до беспамятства, вернулись на турбазу.

«Ну как экскурсия?» – спрашивали туристы, которые с нами не поехали.

«Э-э-э, да что там экскурсия! – отвечали тётки. – Вот на обратном пути мы отоварились в одном городишке, это да!»

«Что вы говорите! А можно посмотреть?»

Тут преисполненные гордости героини дня, словно римские полководцы после исторической победы, вели незадачливых коллег в свои номера и несколько часов кряду разглядывали и обсуждали купленное барахло.

Мне от подобных сцен становилось противно. До чего же докатились грациозные, изысканные дамы в кринолине и с умопомрачительными причёсками! До толстух-барахольщиц с набитыми шмотьём сумками!

После такого мысли о создании своей семьи даже в голову не приходили.

Мои родственники и старые приятели, встретив меня после долгой разлуки, неизменно повторяют одни и те же слова: я, мол, не такой, как все – странный, непрактичный, неправильно

живу, ни к чему не стремлюсь... Мне же странны их замечания. Чему тут удивляться? И почему нужно непременно слиться с серой массой?

Как сейчас помню, в возрасте девятнадцати лет моё увлечение книгами стало становиться на профессиональные рельсы. Я заимел привычку посещать чёрный рынок, где торговали дефицитными изданиями. Здесь можно было приобрести то, о чем многие книголюбы только мечтали. Правда, по весьма приличной цене – в десять-пятнадцать раз выше номинальной стоимости. Это был нелегальный, отнюдь не мелкий бизнес. Самые прожжённые дельцы имели связи в магазинах и на базах и тащили оттуда дефицит пачками. Некоторые не довольствовались Уфой и везли товар из Москвы, Ленинграда, Минска, Кишинёва, Ташкента и Фрунзе – тех немногих городов, где издавали книги, пользующиеся спросом.

Поначалу я только приобретал интересующую меня литературу. Но затем со мной произошла обычная в среде библиофилов, да и других коллекционеров, метаморфоза. Только приобретать слишком накладно – элементарно зарплаты не хватит. Поэтому, завсегда на чёрного рынка покупали, продавали и обменивали книги, стараясь иметь при этом выгоду, прибыль. Таким путём литература достаётся не так дорого. Наиболее оборотистые создавали целые домашние библиотеки за просто так, а то еще и с наваром!

Я не раз наблюдал подобные превращения с людьми. Появляется на чёрном рынке молодой человек с чистым и ясным взглядом. Сразу видно: книги ему нужны исключительно для утоления духовного голода. Деляги этим пользуются и впаривают парню литературу втридорога. Даже жалко его становится. Но через каких-нибудь полгода до молодого человека доходит, что книги обойдутся дешевле, если их перепродавать самому. Это первый шаг в нашем бизнесе.

Начинающий книжник приобретает опыт, узнаёт, на чём можно заработать. Ему попадают такие же новички, и он на них так же наживается, как раньше наживались на нём. Вначале ему, возможно, даже стыдно, но стыд очень быстро проходит, ведь именно благодаря неопытным клиентам у него появляется возможность не тратить половину зарплаты на свое увлечение.

Молодой человек делает дальнейшие шаги в своей эволюции. Теперь он знает, что пользуется спросом и на чём можно заработать; у него сначала один-два, а затем все больше и больше постоянных клиентов, которых он отоваривает по полной. Свежеиспеченный коммерсант находит клиентов, которые не знают о существовании книжного рынка и это позволяет ему зарабатывать, делая элементарную наценку на купленные на том же рынке книги. Молодой человек приходит к выводу, что таким путём можно неплохо жить, получая больше, чем зарплата на основной работе. Да заодно и пополнять свою библиотеку.

Наивный юноша с ясным взором незаметно для самого себя превращается в опытного барыгу. Его начинают уважать коллеги по цеху, которые беззастенчиво наживались на нём каких-нибудь пару лет назад. Кто-то знакомит его с работниками книжных магазинов и баз, где можно за недорогие подарки или небольшую переплату брать дефицит. Но молодой делец и на этом не останавливается, ибо перед ним открываются другие горизонты. Он выходит на оптовиков. Метаморфоза завершена. Где теперь тот скромный любитель чтения? Остался в прошлом. А миру явился спекулянт, по советской терминологии.

Неудивительно, что вскоре я не только мог читать любимые произведения не выходя из дома, но и позволять себе другие вещи. Мне тогда нравилось путешествовать. Чем наш брат отличается от обычного туриста? Тем, что куда бы он ни поехал, всегда берёт с собой чемодан, а то и два, с книгами для продажи или обмена. Цены в разных регионах страны отличались, на этом и шла игра.

Если, скажем, я приезжал в Кишинев или находящуюся неподалёку Одессу, мне было выгодно брать там кишиневские издания, а продавать московские. В Москве же – с точностью до наоборот. Что до родной Уфы, то сюда можно было везти книги отовсюду.

Путешествуя в свое удовольствие, я заодно посещал чёрные рынки Москвы, Ленинграда, Риги, Харькова, Одессы и Ташкента. Завязал деловые отношения с коллегами и затем продолжил их с помощью почты, расходы на которую тогда были копеечные. Иногда я совершал и чисто коммерческие поездки. Благо, что в те годы билет на самолет, скажем, до Москвы, стоил всего двадцать пять рублей. Достаточно было продать пару хороших книг типа «Трёх мушкетёров», чтобы оплатить перелёт в оба конца. Советское государство заботилось о гражданах! И это, безусловно, способствовало росту моего бизнеса. Росла и домашняя библиотека, значительно увеличившаяся против отцовской.

2. Книжные страсти-мордасти

Однако не все было так безоблачно в подпольной книготорговле. В законе существовала статья, карающая за спекуляцию, и представители силовых структур, как правило переодетые в гражданское, нет-нет да наведывались на чёрные рынки. Частенько всё заканчивалось разгоном незаконного сборища и доставкой одного-двух десятков спекулянтов в отделение.

Что там с ними делали, они предпочитали не рассказывать, а иногда пропадали на месяц-другой. Дислокация рынка после облавы сразу менялась. Организаторы старались выбирать тихие места в заброшенной части какого-нибудь парка. А после каждого разгона меняли еще и район города, рассчитывая на то, что районным властям о новой точке станет известно не сразу.

В нашем городе дольше всего продержался книжный развал на лесной поляне возле реки Уфимки, между трамплином и ВДНХ. Он получил название «Яма», как известный роман Куприна. Место это было архинепригодным – надо было спуститься по крутой, длинной, разбитой деревянной лестнице, что зимой и в сырую погоду было весьма небезопасно. Да ещё с тяжелой сумкой, набитой товаром. Если бы не какие-никакие перила, книжники сломали бы себе шеи. По окончании сборища, естественно, надлежало подняться по той же лестнице. Возможно, слугам правопорядка не хотелось такой гимнастики, оттого они нас и не беспокоили.

А вот в Одессе я однажды присутствовал при жестокой расправе. Весьма немелкие слуги закона скручивали руки за спину спекулянтам, запихивая их в УАЗики. Наблюдать такое было малопривлекательно.

В Ленинграде же мне один раз и вовсе пришлось расстаться с двумя чемоданами книг. Рынок там располагался в лесочке за городом. По выходным собиралось по несколько тысяч человек. Торговали не только книгами, но и любым дефицитом.

Разложив товар на газетах и увлекшись своей работой, я прозевал начало облавы. Заметил панику лишь в тот момент, когда милиционеры оказались в десятке метров от меня. Думать о том, чтобы успеть собрать книги и остаться незамеченным, было слишком поздно. Пришлось бочком, бочком удалиться.

На следующий день облавы не было, и барыги, возле которых я вчера расположился, ехидно поинтересовались:

– Ну что, чемоданов сегодня нет? А где же твои книги?

Затем, смакуя каждое слово, они принялись рассказывать друг другу, сколько фолиантов в кожаных переплётках мне пришлось «подарить» доблестным сотрудникам советской милиции.

Впрочем, встречались среди нас и неприкасаемые. В Уфе жил книжник по имени Алим, на которого ни законы, ни санкции не распространялись. Он имел справку психиатрического диспансера и сполна ею пользовался. На чёрный рынок он ходил редко, там его по понятной причине недолюбливали. Торговал же везде, где хотел. Чаще у книжных магазинов. Милиция пыталась его забрать, но после демонстрации «волшебного» документа, вынуждена была отпустить.

Безнаказанность сделала Алима наглым сверх меры. Он стал торговать в «святая святых» – самом центре Уфы: на гранитном парапете сквера имени Ленина и у находящегося через дорогу от него книжного магазина «Знание», месте наибольшего сосредоточения культурной публики. Разложив свой дефицит, он принимался громко его рекламировать:

– Купите советский порнографический роман! Такого разврата не знала мировая литература! Весь тираж ликвидирован. Автор – в застенках КГБ. Не пропустите! Единственный оставшийся экземпляр! Антисоветчина, выпущенная под давлением Запада! Весь тираж изъят из библиотек и уничтожен!

Таким комментарием он сопровождал практически любую книгу, даже самую невинную по отношению к социалистической действительности. Цена же подскакивала соответственно рекламе. И когда покупатели, прочитав хвалёный экземпляр, возмущенно обвиняли его в мошенничестве, требуя вернуть деньги, Алим отвечал, что не помнит, чтобы продавал подобную ерунду. У него, мол, весь товар как на подбор. Желтый билет выручал и здесь.

Всесильная советская система, ужасами которой либералы, вместо сказок на ночь, пугают своих детей, оказалась бессильной сладить с Алимом. В руках тоталитарной машины было всё: абсолютная власть, закон, суд, силовые структуры. Но она ничего не могла противопоставить инвалиду, за плечами которого была только комната в старом деревянном доме с удобствами на улице.

Алим торжествовал, но, как это часто случается, не совладал с лаврами победителя, стал злоупотреблять горькой. Частенько, даже не закончив «рабочий день», он напивался до чёртиков. Было крайне забавно видеть недоуменные лица прохожих, наблюдавших очень странную картину: на грязном парапете с обвалившейся штукатуркой лежат просто-таки выставочные экспонаты: «Мастер и Маргарита» Булгакова, сборник стихов Анны Ахматовой, «Сто лет одиночества» Маркеса, альбом репродукций Ван Гога...

«Что это?!» – ничего не понимали прохожие. – Неужто это продают?» Фантазия тут же рисует им такого продавца – им может быть только истинный благодетель с одухотворённым лицом ангела. Но вместо него приходилось иметь дело с безобразным чудовищем, небритым, пьяным, хамоватым, дышащим перегаром, брызжащим слюной. С манерами, никак не вяжущимися с изысканным стилем тех книг, которые он продавал.

Наблюдая весь этот беспредел, матёрые завсегдатаи книжной тусовки скрипели зубами от зависти, но ничего поделать не могли.

Однажды я побывал у Алима дома. Зрелище, представшее моим глазам, было более чем показательным. Это было жилище профессионального книготорговца, до мозга костей, который только этим и живёт – ничего лишнего, только стеллажи с книгами и раскладушка.

3. Культовое место

Я не помню, как обстояло дело в других городах, но у уфимских книголюбцев существовало культовое место. Не чёрный рынок, ибо он постоянно менял расположение, а магазин «Букинист» на улице Ленина. Более посещаемого заведения у настоящих библиофилов в городе не существовало. И в советское время люди несли туда свои домашние накопления, по разным причинам ставшие ненужными. Поэтому ассортимент на полках постоянно менялся, и чтобы перехватить что-то стоящее, следовало почаще заглядывать сюда. Что книголюбцы и делали, используя каждую свободную минуту, тайком сбегая с работы, если она находилась неподалёку, или приезжая вечером к «шапочному разбору».

В этом своеобразном соревновании всех опережал один старичок, живший в соседнем с «Букинистом» доме. Посещение магазина стало ежедневной и главной составляющей распорядка его дня. Он проводил в «Букинисте» чуть ли не весь рабочий день, отлучаясь лишь на обед, да в туалет. Не удивительно, что его здесь знала каждая собака. И он знал всё про каждого продавца и помнил, когда и что нового сюда поступило.

Если «Букинист» был символом читающей Уфы, то этот старичок – символом «Букиниста». И умер он, что очень символично, у магазинного стеллажа с книгой в руках.

Чем ещё отличался этот магазин от других книжных? Тем, что на подходе к нему частенько можно было увидеть жучков, пытающихся сбыть свой дефицитный товар. Работа у них была очень опасной, поэтому они, как волки, всегда были в форме и всегда начеку. Одним глазом буравили вас (покупатель или просто так?), другим следили, не приближается ли милиционер. Одновременно они перехватывали книги, которые наивные граждане несли сдать в «Букинист», предлагая более выгодные условия.

Такая картина наблюдалась не только в Уфе, но и во всех городах советской страны, где имелись подобные магазины.

В начале двухтысячных «Букинист» не выдержал конкуренции и был перепрофилирован в обычный книжный магазин. Но и теперь, спустя многие годы, он остаётся ориентиром для читающей публики.

- Так где, ты говоришь, на улице книги продают? – спрашивает один книголюб у другого.
- Напротив Авиационного техникума.
- А где это?
- На углу Ленина и Революционной.
- С какой стороны?
- У магазина, где раньше «Букинист» был.
- Так бы сразу и сказал!

4. Из книжного рая – в Лету

С перестройкой отношение власти к нелегальному книжному рынку изменилось. Дирекция Дворца культуры завода РТИ проявила предпринимательскую жилку, взяв библиофилов под своё крыло. Со всех посетителей взимали входную плату, с продавцов, естественно, брали больше.

Наступил ренессанс частной книжной торговли. Народу собиралось по несколько тысяч. Весь первый этаж, фойе, лестницы, проходы, каждый закуток, превратились в прилавки. Вот где действительно яблоку негде было упасть! Книжники в полной мере оценили дарованную свободу. Правда, переодетые в гражданское слуги закона здесь тоже присутствовали, но они, главным образом, отслеживали торговцев порнографией.

Пожалованная новой властью свобода самым кардинальным образом сказалась на книжном рынке. На прилавках магазинов, а стало быть, и на книжных развалах, появилось то, о чём послушный советский читатель и мечтать не мог. Документы, труды, воспоминания никому прежде не известных историков, «открывающие людям глаза на то, что было на самом деле». Они низвергали недавних кумиров с пьедестала в грязь. И ставили на их место новых кумиров. В те годы на полках книжных магазинов (небывалый случай!) открыто продавалась «Майн Кампф» Адольфа Гитлера!

В то же время всю страну заполонили появившиеся невесты откуда частные книжные издательства. Главной задачей они ставили срубить побольше бабла, в максимально короткие сроки, при наименьших потерях. Поэтому недолго думая они приобретали самую дешёвую бумагу и наперегонки штамповали из неё брошюры с полезными советами на все случаи жизни: «Как гнать самогон», «Как излечить мужа от алкоголизма», «Как приворожить женщину и мужчину», «Как уложить в постель любую женщину», «Как потрошить мужчин», «Как из сына-балбеса вырастить гения», «Как заработать миллион» – и всё в таком духе. И ладно бы это были какие-то авторские работы. Ан нет! Частные издатели всего-навсего брали уже изданные книги, разбивали их на брошюры, давали им другие названия (единственное креативное действие!), автора же не указывали вовсе (чтобы меньше было проблем).

Они же аналогичным образом шлёпали брошюры об НЛЮ, снежном человеке, оборотнях, гипнотизерах, магах, ясновидящих. Полиграфическая культура подобного рода книжек была ужасающей. Привыкшие относиться к книге, как к ценности, читатели, недавно называвшие себя советскими, морщились, но вынуждены были всё это барахло покупать, поскольку раньше ничего подобного не было. «Наши изделия все знают, плачут, но берут», – вспомнил я бытовавшее среди одесситов выражение. Но бизнесмены добивались намеченной цели, зарабатывая на ворованном материале в десятки и сотни раз больше издательств, выпустивших оригинал.

Появились и издательства с несколько иной политикой. В русло книготорговли они пустили мутные реки фривольной литературы, не издававшейся в строгой советской стране. Классики в лице маркиза де Сада, Лоуренса, Генри Миллера и Джона Фаулза составляли лишь малую толику этого потока. Основу же составляли никому доселе не известные авторы авантюрных и эротических романов, боевиков и ужасиков. Главное заключалось в броском названии (часто не соответствующем оригиналу) и неизменной полуголой красоте на глянцевого обложке.

Для неизбалованного советского читателя подобная литература была в диковинку. Потому неудивительно, что многие бросились удовлетворять любопытство. Не стал исключением и я, понакупив несколько десятков книг серии «Мировой бестселлер» с интригующими названиями: «Жеребец», «Грешницы», «Безумие страсти», «Самец». Знакомство с «новейшей» литературой я решил начать с романа, который назывался «Машина любви». Думал, там

сплошной разврат. А это оказалось нуднейшее дамское чтиво о несчастной девушке, влюблённой в грубого эгоиста, о её бесконечных страданиях и его жестокости. Читать такое было просто пыткой, но я мучился, всё ждал, когда же начнётся секс. Но так и не дождался – то была шутка в стиле Алима, но в масштабах страны.

Вот такой сложился книжный рай в постсоветские годы – с большим креном в кич и ширпотреб. Но кардинальные изменения, создавшие его, вскоре выявили тенденции, недвусмысленно говорящие: долго это не продлится. Мало того, что весь дефицит, на котором кормился наш брат, могучим потоком устремился на полки книжных магазинов. Это привело лишь к переориентации наших покупателей – теперь на книжный рынок ходили преимущественно для того, чтобы купить книги дешевле, чем в магазине.

Но это было еще не самое страшное. Впервые в жизни поколения советских читателей книги перестали быть единственным носителем информации, и прилавки во Дворце культуры завода РТИ стали все больше заполняться сначала виниловыми пластинками, аудио- и видеокассетами, затем CD и MP-3 дисками, а позднее – DVD-дисками.

Эта тенденция привела к тому, что к началу нового века на так называемом «книжном рынке» осталось полтора десятка старых библиофилов, которые в основном собирались для того, чтобы поболтать друг с другом. Что-либо продать стало сложно. По старой привычке ветераны приносили сумки с книгами, но домой чаще всего возвращались с тем же содержимым. Поэтому, чтобы не скучать, эти каким-то образом выжившие динозавры приносили с собой выпивку с закуской и вспоминали золотые деньки.

Широкие народные массы и особенно молодёжь стали смотреть на книголюбцев в лучшем случае как на чудаков. Один из самых известных в Уфе зубров-библиофилов, пятьдесят лет отдавший своему увлечению, выходя на улицу, стал тщательно прикрывать книги, находящиеся в сумке.

– А зачем вы так запрятали свои книги, что достать не можете? – любопытствовали коллеги.

– Увидят, скажут – лох, – объяснял он.

5. Переквалифицировавшиеся в «управдомов»

Победоносное наступление технической цивилизации произвело ломку в душах завсегдатаев книжного рынка.

Часть их, видя что зарабатывать на книгах больше не удастся, а продолжить очень хочется (привыкли!), переключились на то, что пользуется спросом: CD- и DVD-диски или новейшие справочники по компьютерам.

Другие ударились в перепродажу монет, открыток, значков и антиквариата. Если первые остались там, где были – в фойе Дворца культуры завода РТИ, то вторая категория облюбовала сквер за Дворцом культуры «Юбилейный». Эти явно не прогадали, защитив себя от любых сюрпризов технического прогресса. Более того, интерес к антиквариату год от года становится всё более массовым. Особенно возрос интерес к старым монетам. Можно без преувеличения сказать, что в настоящее время мы переживаем ренессанс увлечения нумизматикой.

Третья категория бывших библиофилов тихо ушла в завязку. Они, если иногда и пополняют свою старую домашнюю библиотеку, то теперь уже без перепродаж и бизнеса на книгах.

Однако ностальгия нет-нет, да временами напоминает о себе. Проходя мимо книготорговца, бывшие коллеги часто в задумчивости останавливаются. Наиболее стойкие повздыхают и уйдут. А те, что послабее, могут не удержаться и что-нибудь купить.

Причём покупают они очень часто не новинки, не то, что во времена их активного занятия книгами и достать было невозможно, так как попросту не издавалось. Покупают они то, что коллекционировали тогда – двадцать, тридцать, сорок лет назад. И я не думаю, что они станут это читать. Им важно подержать в руках, поставить на полку, полюбоваться, понюхать тот предмет, который тогда вызывал в них особое, трепетное, непередаваемое чувство, вспомнить былое, свою ушедшую навсегда молодость и смахнуть слезу.

Удивительно наблюдать, как солидный взрослый мужчина в выходной носит по городу в поисках приключенческих книжек издательства «Детская литература» из серии, прозванной библиофилами «рамочкой». Книжек в подавляющем своём большинстве морально и содержательно устаревших, абсолютно не соответствующих современности, наивных и примитивных. Литературой их даже с натяжкой нельзя назвать. А читать просто невозможно.

Ностальгия, судя по всему, приняла внушительные масштабы. И рынок отреагировал моментально. Целый ряд современных издательств стали штамповать всё подряд в переплётах с такой же рамочкой. Но старых книжников не проведёшь, им подавай то, родное, старенькое. Поэтому цены на старьё, пользующееся повышенным спросом, стали резко расти. Особенно в Москве и Петербурге.

Широко распространено мнение, что в советской литературе была жесточайшая цензура. Но мало кто знает, что графоманы и бездари находили в ней лазейки. Под видом произведений для юношества (в тех же «рамочках» и подобных книжных сериях) они протаскивали подлинную чушь, да вдобавок стотысячными тиражами.

6. Улица способствует выживанию

А вот уличная книжная торговля оказалась более живучей и, хотя и неважно, но влачит свое существование по сию пору. Тут сыграла роль людская лень. Во Дворец РТИ нужно специально тащиться, да еще в выходной, да еще утром, когда хочется отоспаться. И в магазин тоже надо специально ехать, выбирать время. Совсем другое дело – уличный продавец! Ты идешь себе по своим делам, а он выставил товар на всеобщее обозрение. Глядь, хорошая вещь! А что, думают прохожие, отчего бы и не купить? И цена ниже, чем в магазине.

Книжники облюбовали место возле единственного в городе государственного магазина «Букинист», на пересечении улиц Ленина и Революционной, что было вполне резонно.

Царящие среди них нравы резко выходили за рамки приличий Дворца РТИ и больше соответствовали законам джунглей. Практически все эти сеятели доброго и вечного дружили с зеленым змием, курили и сквернословили. Негласным авторитетом здесь был Серёга – не отягченный образованием и воспитанием субъект, в котором распознать книголюба было чрезвычайно сложно даже психологу и следователю. Меня всегда удивляло, почему предметом бизнеса он выбрал именно книги. Разбирался Серёга в одних криминальных романах. Из серьезных авторов знал лишь тех, кого часто спрашивали.

Серёга не допускал, чтобы кто-то зарабатывал больше него. Поэтому он всегда занимал самое удобное место на парапете здания, которое никто не смел занять, и выставлял самое большое количество товара. Если какой-нибудь новичок пытался его послушаться, вызывая к демократии, он становился врагом и, как правило, скоро исчезал. Книжники же никогда не перечили «пахану», хотя в душе ненавидели его.

Купечество облегченно вздыхало только тогда, когда Серёга уходил в «декретный отпуск» – в запой. Это случалось с ним регулярно, четыре-пять раз в год. Длился «декрет» от двух до четырех недель. За время такого «отпуска» Серёга пропивал почти всё, что зарабатывал.

Я с самого начала не понравился самозваному боссу, а на то, что меня знали все книжные зубры, ему было наплевать. Когда же кто-то из прислужников сообщил Серёге, что я еврей, хотя это было верно только наполовину, его терпению пришел конец.

Но мне совсем не хотелось терять хлебное место, и я попытался послушаться местного авторитета. Тогда у меня стали регулярно, прямо с прилавка, исчезать самые дорогие книги. Как бы я ни старался отследить воров, мне этого ни разу не удалось.

Я обратился за помощью к одному знакомому, бывшему милиционеру. Но, несмотря на две его беседы с Серёгой, кражи, хоть и реже, но продолжались. Однажды утащили целый рюкзак с книгами, когда я, попросив одного из коллег присмотреть, отлучился на десять минут.

Как-то зимой, будучи в очередном «отпуске», Серёга с собутыльником пришёл провести наш пятачок. А я, воспользовавшись временной демократией, расположился как раз на его месте. «Хозяин» расвирепел от такой наглости.

– Ах ты, жидовская морда! До сих пор не съе...ся отсюда!

Он попытался меня ударить, но был настолько пьян, что промахнулся. Я тут же оттолкнул его руками, он поскользнулся и ткнулся пятой точкой в обледенелый тротуар.

– Б...! Пидор! С...! – заорал Серёга и опять бросился на меня. Я еще раз оттолкнул его, и он приземлился ещё нелепее прежнего. Присутствовавшие при этом коллеги, покупатели и даже собутыльник «пахана» разразились хохотом.

Еле-еле поднявшись, Серёга бросил напоследок:

– Ещё раз здесь увижу, утырок, тебе кирдык!

Избавиться от меня диктатору удалось после того, как у него появилась «правая рука», достойный продолжатель его чёрных дел, субъект по кличке Тыква. Своему прозвищу он был

обязан непомерно большой голове, на которую не налезала ни одна шапка. Но и такой недостаток Тыква сумел обернуть в свою пользу.

Однажды один продавец ушанок с Центрального рынка, отчаявшись реализовать шапку большого размера, тоскливо взирал на проходящих мимо покупателей. Как назло их головам было далеко до баскетбольных мячей. И тут он увидел показавшегося в проходе Тыкву, с громким чавканием жующего два сложенных вместе чебурека. Глаза продавца загорелись надеждой.

– Мужик! Померь шапку, как на тебя сшита!

Подойдя к прилавку, головастик помял ушанку блестящими от жира пальцами и, смачно рыгнув, изрёк:

– Не... не полезет.

– Как же не полезет?! – удивился продавец.

– Спорим на баллон пива, что не полезет!

– Давай!

Ударили по рукам, а самоуверенность, как часто бывает, подвела коммерсанта, пиво пришлось купить.

Вполне возможно, мозги Тыквы будут представлять интерес для анатомического музея, но высоким интеллектом он также не отличался. Как и его шеф, предпочитал, главным образом, криминальные романы. Только был еще более наглым. И не брал «декретных отпусков». Вместо этого он напивался прямо на рабочем месте, не отходя от кассы. Про иных говорят: напился до поросячьего визга. О Тыкве следовало сказать: до мокрых штанов. Зимой к этому добавлялись обильные сопли в пол-лица. Удивительно, как у такого «книголюба», пропахшего мочой и перегаром, что-то еще покупали.

Сергеа назначил Тыкву «сборщиком налогов». Раз в неделю «заместитель босса» собирал некую сумму с каждого книгопродавца. Эти деньги якобы передавались сотрудникам милиции «за крышу». Один раз он попался на использовании собранного налога в личных целях, тем не менее «начальник» его простил и с «должности» не снял.

В один не слишком приятный день Тыква занял мое место, побросав товар на землю. Посмотрев на внимательно глядящего на меня Серёгу и прячущих глаза коллег, я понял, что воевать бесполезно. Пришлось искать другое место.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.